

Наталья Панкратова, арт-медиатор

Наблюдатель лаборатории по документальной хореографии

В конце мая случайно увидела на Фейсбуке Лабораторию «Документальной хореографии». Написала об участии, ни на что не надеясь, но меня взяли «наблюдателем». Вопросы телесности, принятия, свободного и раскрепощенного движения всегда меня интересовали, так как очень хотелось бы ими обладать, но пока никак. Особенно поразило сочетание, что хореография может быть документальной. Лично у меня документ ассоциируется с неким текстом, чьим-то воспоминанием – историей. Даже не представляла себе, как можно это трансформировать в перемещение в пространстве и жест. Но благодаря двум лекционным дням, познакомилась с таким количеством специалистов, услышала столько докладов, но самое ценное, узнала имена людей, которые уже давно работают в этом направлении.

Благодаря лаборатории, не могу представить свое существование без понятия re-enactment в искусстве, связанное с аффектом и с исследованием исторических событий. Была поставлена проблема, что при исторической реконструкции зритель чувственно погружается в событие, отключая свой критический интеллектуальный аппарат. Но, зато подобное погружение в переживания прошлого, повторение такого переживания, в безопасной обстановке, способно приносить облегчение и избавление от бессознательных внутренних страхов и травм. В качестве нового интересного примера могу привести недавнее событие от фонда VAC в рамках выставки «Генеральная репетиция» - премьеры фильма «Театр войны» аргентинского перформера и режиссера Лолы Ариас. Лола известна в Европе, как театральная режиссер, она занимается театром памяти, социальным театром и ре-энактментом. Фильм «Театр войны» дебют Лолы в кино, и был показан на Берлинале 2018. Проект был посвящен болезненному событию аргентинско-английских отношений - Фолклендской войне 1982 года. Причем, в Аргентине эта война носит название Мальвинской, так же как в этих странах по-разному называются одни и те же острова. Это интересное раздвоение точки в пространстве в разных социокультурных группах, говорящее о невозможности даже сейчас пережить и отрефлексировать эту травму, она продолжает кровоточить. По сути это был совершенно бессмысленный военный конфликт, осуществленный с подачи военной диктатуры Аргентины, которая решила захватить небольшой архипелаг в Атлантическом океане, принадлежащий Великобритании, но оспариваемый Аргентиной исходя из давних исторических событий открытия этих островов. Война продлилась всего 74 дня, закончилась поражением Аргентины и унесла 649 аргентинских и 255 британских военнослужащих, а также троих жителей островов. При том, что население этих островов всего составляет около трех тысяч жителей. Победа в войне Великобритании способствовала усилению влияния непопулярного в ту пору правительства Маргарет Тетчер. В Аргентине, наоборот, выросло недовольство диктатурой, вскоре она была свергнута, а ветераны войны на долгое время были брошены и забыты. Лола Ариас полагает, что искусство способно не только описывать происходящее, рефлексировать, но и влиять на судьбы конкретных людей, помогая им преодолеть свои травмы, таким образом, выходя в социальный контекст. Несколько месяцев длился проект, на который сначала принимали рассказы от ветеранов войны, спустя 30 лет, по обе стороны конфликта. Затем были отобраны наиболее яркие и сложные воспоминания людей, попавших на войне в самые экстремальные ситуации, предельные события жизни или смерти. Затем ветераны были собраны вместе, общались, некоторые через переводчика, но, самое главное, они не только вспоминали события, но и телесно повторяли их, воспроизводя, как

актеры. С группой работали психологи. Процесс воссоздания событий прошлых лет проходил сложно и долго. Многие аргентинцы до этого проекта ни разу не были у психологов и не прорабатывали свои прошлые травмы. А британцы просто спрятались за более удачливыми масками, тоже испытывая огромный стресс. Ключевое воспоминание было, когда британский ветеран вспомнил, как у него на руках умирал, тяжело раненый, аргентинский солдат, который вдруг заговорил с ним по-английски. До этого случая все солдаты неприятеля были чужие и посторонние, не люди, но вдруг в этот момент он увидел точно такого же человека как он сам, враг обрел идентичность. Потом долгие годы его преследовало это событие. Лицо этого солдата. Конечно, Лола говорит, что спустя 30 лет, сложно вычленишь в воспоминаниях правду и вымысел. Уже сами участники тех событий не понимают и не могут отличить истинные воспоминания от ложных. Так устроена наша память. Но проживая те события, испытывая аффект, они избавляются от прошлых травмирующих чувств. В результате после проекта возникла инсталляция случая с умирающим на руках солдатом, но в ней вместо реальных ветеранов использовались молодые актеры, которые подбирались и по внешнему сходству и по возрасту, идентичному возрасту ветеранов на момент их участия в конфликте. Это потребовалось, чтобы обострить чувства зрителя, усилить выразительный эффект произведения, показать, насколько юным людям приходилось принимать пограничные экстремальные решения. Можно провести параллели с самим собой и представить, как тебя могут в 18 лет неожиданно вырвать из привычной обыденной жизни и поместить в такой жесткий контекст. Весь процесс подготовки снимался на камеру, записывались интервью, рефлексия и в итоге был смонтирован фильм. Причем Лола говорит, так как кино – это умершее, остановленное время, то ей был нужен именно этот эффект – законсервировать происходившее. А также из опыта родился спектакль, где все роли исполняют сами ветераны, принимавшие участие в проекте. И этот спектакль даже гастролирует по Европе, рассказывая про прошедший конфликт.

Но вернусь к лаборатории. В самом начале были объявлены 4 пары: драматург + хореограф. И после мозгового трехдневного штурма из лекций и обсуждений, им было предложено разработать и представить четыре идеи предстоящих спектаклей. Хочу поделиться своими примерами работ художников современного искусства, которые пришли мне на ум, как ассоциации с озвученными идеями. Было интересно наблюдать, как поначалу, участники были растеряны, но на третий день смогли представить довольно интересные проекты.

1. Ольга Цветкова, Михаил Дурненков «Площади и кухни»

Как я понимаю, их идея заключается в создании аудиовизуальной среды для зрителя, солидаризирующего с происходящим, ведь в начале он выбирает контекст. Авторы хотят рассмотреть отличия индивидуального частного интимного поведения человека в знакомом привычном пространстве кухни и общественного коллективного действия на площади. Коллективное часто ассоциируется с авторитарной властью и общим одинаковым, объединяющим действием.

Вспоминаются работы группы Rimini Protokoll, когда зрители получают в наушники инструкцию для своих действий и должны ее исполнить. А так же музыкальный перформанс Дмитрия Курляндского “Commedia delle arti” для павильона России на прошлой Венецианской биенале, где зритель получал в руки партитуру-инструкцию. Ну и конечно, замечательную аудиоинсталляцию «другой музей» Семена Александровского на выставке «Доме впечатлений. Прогулка с трубадуром», которая помогала зрителю совершить путешествие во времени и пространстве. Посетители получали наушники с записанными, благодаря бинауральным микрофонам, звуками

европейских музеев и шли по темному, неосвещенному третьему этажу Усадьбы Голицыных, который представлял из себя пространство, застрявшее во времени. Из этого здания съехал Институт Философии, оставив после себя следы разрухи, раскиданных вещей, склад ненужной мебели, старых компьютеров. Все это ассоциировалось с пространством после катастрофы, чувством покинутости, заброшенности и нестабильности. По сути, это отражение судьбы любого нашего общественного пространства. Здание несколько раз за свою жизнь может кардинально поменять свое предназначение. Например, сначала это Усадьба Голицыных, затем временный Потемкинский Дворец для Екатерины Великой, снова частная усадьба, затем в ней откроется музей, после Революции Коммунистическая академия, чуть позже переименуется в Институт Философии, а в итоге оно станет музеем. Невозможно найти у нас кафе, которому было бы, как в Европе больше 150 лет, нет потомственных магазинов, лавок. Проход зрителя в аудиальной среде старого неизменного европейского музея по преобразующемуся катастрофическому пространству будущего музея, был попыткой привнести стабильность и устойчивость в наш шаткий мир.

2. Татьяна Гордеева, Екатерина Бондаренко «Квартиры»

Идеей проекта служит исследование пространства двух квартир в Москве и Ташкенте, взятым за основу одним и тем же примерно временным промежутком. Но имея одно время и два пространства неминуемо получишь мерцающий, сбитый маршрут.

В качестве ассоциации вспоминается фильм Андрея Тарковского «Солярис», когда герой Донатаса Баниониса - Крис Кельвин – не в состоянии отличить реальные события от симулякров, посылаемых Океаном, хотя все действия происходят в одном пространстве, но время начинает сбивать и раздваиваться. На этом фильме основана видеоработа литовского художника Деймантаса Наркявичуса «Revisiting Solaris», 2007. Он размышляет о советском прошлом своей страны и говорит, что созданные архетипы страхов гораздо ужаснее и пугающее, чем реальность. Художник снимает последнюю главу романа Лемма, приглашая на роль астронавта Кельвина, постаревшего Баниониса. Главу, которую Тарковский отбросил, при этом сняв неоднозначный финал: то ли герой возвращается на Землю к отцу, как блудный сын, то ли, попадая в очередной симулякр планеты. Лемм настаивал на высадке Кельвина на Солярис. Наркявичус производит съемки в двух пространствах – в здании бывшего КГБ (сейчас это Музей жертв геноцида) и в заброшенном пространстве телецентра в Вильнюсе. Это два фантома прошлого, всплывающих из памяти, но продолжающих нести травматические аллюзии. А, может, это два симулякра постсоветского сознания литовцев. Так же остается не ясна роль Баниониса. То ли он снова изображает Криса Кельвина, то ли самого себя, путешествующего по своей памяти, и ставшего самим симулякром. Так же вспоминаются две работы: «Память вещей» Катрины Нейбурги (Латвия) и «After/Ahead» Марка Райдпере (Эстония). Обе работы исследуют, хранят ли вещи память о людях, которые ими пользовались, жили среди них, есть ли некоторая энергия, которая передается новым обладателям. Нейбурга строит инсталляцию из вещей, принадлежавшим трем поколениям женщин из ее семьи: бабушке, маме, ей самой. И так же исследование проводится на основании семейного ритуала – раз в месяц к ним домой приходила мастер и делала всем троице педикюр, а Нейбурга все документировала на камеру. И как частицы кожи и ногтей, отчуждаются от тела, отчуждаются предметы с исчезновением памяти. Память вообще фрагментарна и не полна, невозможно до секунды восстановить даже один прожитый день. Марк Райдпере делает видео на основе двух параллельно идущих слайдшоу фотографий квартиры отца при его жизни и после его смерти, когда в нее вселилась молодая пара, практически ничего не переделав в интерьере. Все прижизненные съемки не показывают самого отца, а только следы его обитания и жизни в пространстве – приготовленная еда, развешенная одежда, разбросанные шахматы и т.д.

На втором экране мы видим интервью с молодой парой, у которых автор пытается выведать, чувствуют ли они присутствие его отца в предметах быта, расспрашивает о их жизни, в которой находятся параллели с его собственной. В частности, у главного героя были сложные отношения с его отцом, как и у Марка, поэтому художник и снимает эту работу, чтобы примириться с прошлым и со своей памятью об отце.

3. Татьяна Чижикова, Андрей Стадников, Исследование тела и жестов оратора, политического деятеля

Сразу пришла на память работа Адриана Пачи «Interregnum», 2017. Эта работа отражает период междуцарствия, сделана путем монтажа кадров хроник массового прощания с политическими лидерами коммунистического мира (Лениным, Сталиным, Мао Цзедунем, Ким Ир Сенем, Тито и др). Сами гробы с телами отсутствуют, мы видим только бесконечные очереди к ним, массы людей. Обычные наши ассоциации подобных событий – прощаний с тоталитарными лидерами – это деперсонализация людей, коллективность, отсутствие своего мнения, подчинение идеологии. Но нарезка крупных планов, ярко выраженных индивидуальных эмоций, говорит нам о сильнейших личных переживаниях, когда мы лишаемся контекста происходящего. И хочется вспомнить испанского художника Фернандо Санчес Кастильо. Он часто работает с политическим контекстом, переворачивая события, предметы и контексты вверх дном, обращаясь к истории карнавала. Например, у него есть видео, в котором две огромные бронемшины, используемые полицией для разгона демонстраций, танцуют вальс друг с другом на берегу моря, пуская струи воды в такт музыке и движениям («Танец Пегаса», 2007). А в его работе «В Чикаго от сердечного приступа умер богатый кот», 2003, он доводит до абсурда и переворачивает идею, как тоталитарная власть обращается с человеком. Под классическую музыку Баха, Генделя, Брамса и др. (музыка, отсылающая в том числе, при всей своей красоте к немецкой национальной идее) разные люди играют с огромной бронзовой головой, отрезанной с какого-то памятника, свергнутого возждя: ее зарывают в землю, волочат за машиной на веревке, играют ею в футбол, сбрасывают в овраг и мн.др. Мы видим полный карнавальный перевертыш.

4. Дмитрий Мелкин, Андрей Иванов, Исследование памяти и последствий событий на Чернобольской АС

Вспомнились две работы, использующие устройство ай-трекер. Первая, это «Взгляд» Ирины Наховой. Художница создала 7 видеоработ для пространства ГМИИ им.А.С.Пушкина, на которых мы видели произведения старых мастеров из собрания музея. Но они были замутнены. В какой-то момент, мы путешествовали по картине вместе с записанными взглядами реальных людей, разных возрастов. Вместе с ними всматривались в детали, и они становились четкими и ясными. В конце путешествия перед нами всплывал на мгновение портрет участника. Блуждание взгляда, как раз было записано через устройство ай-трекер. Благодаря такому приему, зритель уже не пробегал, взглянув на мгновение, сделав фото, а всматривался и в картину, и в логику смотрения другого человека. А так же есть интересная работа аргентинского художника Мариано Сардона в сотрудничестве с ученым Марианом Сигманом из Лаборатории нейронауки Университета Буэнос-Айреса «Стена взглядов». С помощью ай-трекера фиксировалось движение глаз испытуемых, которым в течение 8 секунд показывали по одному портрету из шести. Затем все движения глаз разных людей наложили друг на друга и на портреты, проявляя нам те части, на которые чаще всего был направлен взгляд. На шестиканальном видео мы можем проследить траектории взглядов, понять, на какие части лица мы сразу обращаем внимание, а что остается на периферии нашего зрения. Удивительно, но у большинства траектории очень похожи.

Извините за сумбурные мысли! Мне очень понравился проект, он вдохновил меня на личные поиски и открытия! Очень хочу увидеть готовые эскизы спектаклей участников осенью. Надеюсь,

что приведенные мной работы, смогут вдохновить участников на их еще более интересные и смелые проекты!